

Поэзия

Михаил
ПОПОВ

Москва

Попов Михаил Михайлович. Родился в Харькове в 1957 г. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор многих книг прозы – романы, сборники повестей и рассказов, а также сборников стихов. Лауреат престижных литературных премий. Произведения переводились на китайский, французский, английский, немецкий, арабский языки. Заместитель главного редактора журнала «Москва», секретарь Союза писателей России, доцент Литературного института им. А.М. Горького. Живёт в Москве.

ТИГРЫ ПЕРЕМЕН ВЫХОДЯТ ИЗ ЗАСАД

* * *

Живу одной литературою,
Читать писать, писать читать.
Я натуральной натурою
Уже и не мечтаю стать.

Пусть кто-то посиделки с бабами
Считает жизнью во всю прыть,
А мне бы поскорей с ямбами
Том заповеданный открыть.

Вот кто-то бьется в поле с врагом,
Намолотил пудов зерна,
Я занят лишь бумажным ворохом,
Пьян от него как от вина.

Куда бредем? Где жизнь кончается?
Что брезжит нам едва-едва?
Что нашим слухом различается?
Слова, слова, слова, слова.

* * *

Когда из фирмы Аполлона
Поступит на меня запрос,
Я вырвусь резво из полона
Всех бытовых метаморфоз.

Не видя правил и условий,
Шатаюсь словно бы в бреду,
Ловя себя на каждом слове,
Куда-то молча побреду.

И в строфы составляя строчки,
Ликуя и впадая в блажь,
Все время доходя до точки,
Грызть буду теплый карандаш.

Весь от восторга цепенея,
Таращась яростно во тьму,

Открою истину в вине я,
И что-то страшное пойму.

А утром нервный, но тверезый,
Склоняюсь над бездною стиха,
Скажу себе презренной прозой,
Какая, Боже, чепуха!

* * *

Говорят, там будет что-то,
Там, куда мы всем идем,
Мы шагаем как пехота,
И в жару, и под дождем.

Сказки мы плетем друг другу,
Как хорош тот дивный край,
К северу лежит иль к югу,
что захочешь выбирай.

Будет что-то, что-то будет,
Невозможно, чтобы тлен.
Там нас горн большой разбудит,
Кто-то там возьмет нас в плен.

Может даже нас накажут,
Но скорей всего простят,
Нас убьют, но нам покажут
Для чего же нас растят.

Все, уже мы на подходе,
Вот и все, я так и знал,
Был же слух у нас во взводе –
Первым делом – трибунал.

* * *

Едем на ярмарку, едем,
От предвкушений горим,
Будущим, будущим бредим,
Ждет как никак Третий Рим.

Молоды мы, боевиты,
Все нам еще по зубам,
Славой пока не увиты,
Завистью не убиты.

Едем мы с ярмарки, едем,
Давней обидой горим,
Старыми дрызгами бредим,
Прошное благодарим.

Старые, старые кони,
Да, мы не портим борозд.
Злато наград на попоне,
Главное, что не пони.

Пишете, так пишете,
Пашете, так пашите,
Я вас спрошу не со зла,
Где и когда, подскажите
Ярмарка наша прошла?!

РЕЦЕНЗИИ

Поэзия в стихах не ночевала,
Ей, видимо, чего-то было мало,
Сравнений точных, или рифм

лихих.

Она не захотела там остаться,
Где совершенно нет аллитераций,
Чтоб можно было раствориться
в них.

А вот стихи, ну прям на загляденье,
Аллитерации гремят, слепят
сравненья,
И рифмы хороши, ну что скрывать.
Поэзия, однако, словно кошка,
Здесь хитрая помедлила немножко,
И тоже не осталась ночевать.

* * *

Вышел месяц из тумана,
Как идея из романа,
Озарилась высь.
А вокруг в небесной клетке
Искры тихих междометий
Тоже занялись.

Густо как живут идеи,
Прям какой-то опус деи
Тут над головой,
Сколько смыслов в небе реет,
Даже пес Зоил дурее,
Поднимает вой.

* * *

Бреду домой. Не всем доволен,
Скажу прямее – раздражен.
Гляжу, вон пенсионный воин
С подпившим говорит бомжом:

«Ну, вот скажи, какого хрена
Горел я в танке, погляди!»
Бомж тихо отвечал: «Измена»,
И что-то булькало в груди.

И я остановился рядом,
В народный приходя экстаз,
И сладким пропитался ядом,
Смертельно справедливых фраз.

«Все в этом мире продается»,
«Жируют шлюхи и ворье»
«На что нам эта жизнь дается,
Когда вокруг все не мое!?»

И город меркнул засыпая,
Снег падал, искренно кружа,
И по летейски засыпая
Меня, солдата и бомжа.

* * *

Зябкое, хмурое утро,
С милой был рай в шалаше,
Ночью прошла Кама-Сутра,
Утром осадок в душе.

Травы серы и росисты,
Воздух меж елей свинцов.
Все мы немного сексисты,
Но с человеческим лицом.

Стыдно припомнить ночное,
Бледные ноги закрой!
Я б помечтал про иное,
Я б наслаждался зарей.

Да уж, теперь Кама-Сутра
Не разожжет мою кровь.
Зябкое, хмурое утро,
Где же ты, сука, любовь!

* * *

Чего они об эмиграции,
О ностальгии все плетут,
Я нахожусь в глухой прострации,
А я на родине, я тут.

На родине тоска приветлива?
Со страхом смерти вы друзья?
Сомнение не слишком въедливо
В осмысленности бытия?

Чем плохо подыхать на родине?
А стыдно хныкать и дрожать.
Кручусь я словно уж на противне,
Ведь просто некуда бежать.

* * *

Затихли летние мелодии,
Осенний лист, холодный шум.
Не стать бы на себя пародией,
Бойтся стариковский ум.

Приливы ненормальной бодрости,
Почти что болдинский экстаз;
В каком ты пребываешь возрасте?
Смотреть пора в иконостас.

А ты рифмуешь и надеешься,
Я, мол, не зря, не зря живу,
Но никуда, браток, не денешься,
А прислонишься к большинству.

* * *

Эрцгерцог въезжает в Сараево
в автомобиле,
Он прибыл с инспекцией в город,
а также с идеей,
Он хочет, эрцгерцог,
чтоб подданные полюбили,
Он громко объявит: славяне мои
не злодеи.

«Как только дождусь я заветной
имперской тиары,
Еще на могиле верховный цветник
не увянет,
так станут моими друзьями
не только мадьяры,
А станут друзьями мне все наши
юго-славяне».

Пока же, являясь всего лишь
наследственным принцем,
Он едет по берегу тихой и мелкой
Милячки,
И юный Гаврила идет этим утром
на принцип,
При этом стоит в состоянии
мертвенной спячки.

Пистоль снаряженный в кармане
у серба с секретом,
Он выскользнет вовремя,
он безусловно, на взводе,
Свидетелей сотни присутствовать
будут при этом,
Эрцгерцог погибнет, убьют его
на переходе

От мирного времени
к самой тревожной эпохе,
И жизнь становится все будет
страшней и сложнее.
Благие намерения, что же,
не так уж и плохи,
Но принципы все же намного,
намного важнее.

* * *

Вечерами горят небеса
Удивляют сиянием дали.
Мой сосед неземные веса
Поднимает, борясь за медали.

Он известный народный штангист,
Несомненный физический гений,
И душою, конечно же, чист,
И свободен от мук и томлений.

Но стучится недавно ко мне,
Мрачен, ноги широко расставил,
И с порога: она, мол, в вине,
Так давай же бутылку раздавим.

«Для чего нас родили, доцент?!»
Он на грани вселенского бунта.
«Ценность жизни, наверное, цент,
Продолжительность милисекунда!

Поднял я миллион килограмм,
Десять сотен извел полотенец,
Но в душе у меня тарарам,
И я слаб как паршивый младенец!»

Что сказать тебе мой Геркулес,
Все мы бродим загадочным лесом,
И ты зря в эту чашу полез,
И со всем еще этим железом.

1937

Раз под вечер, а не ночью черною,
К нам во двор заехал воронок,
Отворились дверцы и проворные
Раздались шаги кирзовых ног.

Лифт повез команду до последнего
этажа, где жил какой-то чин.
Этот эпизод блаженства летнего
Не нарушил, не было причин.

Вывели его в пальто одетого
Он покорно забрался в авто,
На арест вредителя отпетого
Взглядом не откликнулся никто.

Во дворе площадка волейбольная,
Много потных, и спортивных тел,

Молодежь рабочая и школьная,
Свет закатный в окнах заблестел.

Мяч летает, патефон волнуется,
И стучат восторженно сердца,
Как прекрасно любится, ревнуется,
Счастье, счастье, счастье без конца.

* * *

«Солнце останавливали словом,
Словом возводили города»,
В нашем мире яростном и новом
Повторил он это без труда.

Тяжелы, округлы словно гири
С его уст слетевшие слова,
Росчерком от отправлял в Сибири
Сотни тонн живого вещества.

Позвонит усталым генералам,
Те приходят в пасмурный восторг,
И тотчас грохочущим металлом
К западу подвинется восток.

Не было в веках сильнее мага,
Дело мертвеца ведь не мертво,
Мировая морщится бумага
От стального имени его.

* * *

Что скажет о тебе потомок,
разве важно?

О предках ты и сам
темного говорил,
Хвалил вздохом того,
кого многоэтажно
Уже через неделю
на смерть костерил.

История страны, сомнение
сплошное,
Отечество нам все! отечество
лишь дым!
Скажи, какое у нас право?
Крепостное,
Давно в своей стране
как в крепости сидим.

А почему? А враг подкрался татем.
Не сдать ли? Нельзя,
мы пробовали, брат,
Чем больше мы себя
на дружелюбие тратим,
Тем меньше этот мир
нам дружелюбным рад.

Что в будущем нас ждет?
Что в прошлом за разборки?
Ты думаешь вперед,
а движешься назад,
Страна опять летит
как те же санки с горки,
И тигры перемен
выходят из засад.